

Соч.: Мужество: Стихи 1931–1932 гг. Л.; М., 1932; Спать воспрещено: Стихи 1930–1932 гг. Харьков; Киев, 1933; Город моей юности: стихи. Л., 1940; Кронштадт ведет бой: очерки. Л., 1941; Балтийские баллады. М., 1942; Ленинграду: стихотворения. Л., 1942; У двух морей: стихи. Л., 1947; Товарищ Тельман: поэма. Л., 1956; Голоса моря: стихи. Л., 1959; Вечный огонь: стихи. Л., 1961; Возвращение счастья: Об академике В. П. Филатове. М., 1961; На Марсовом поле: стихи. Л., 1964; Рукопожатье: Стихотворения и переводы с эстонского. Таллин, 1964; Всеволод Витальевич Вишневский: документальная повесть. Л., 1966 и 1970; У нас на Балтике: очерки. Л., 1968; Океанский проспект: стихи. М., 1970; Поздний мед: стихотворения. Л., 1971; Матросы шли первыми: документальная повесть. Симферополь, 1974; Мужество. Мурманск, 1976; Ранний свет: стихотворения. Л., 1980; Роза ветров: стихотворения. Л., 1982; Подводник Осипов: Лирическая хроника. Л., 1983; Мальчик с обручем: стихотворения и поэмы. Л., 1984; Командир «С-7». М., 1986; Весна в старом городе: стихотворения и переводы. Таллин, 1987; Ветры нашей молодости: Повести, очерки, воспоминания. Л., 1987; Избранное: [стихи и поэмы] / вступ. статья А. Павловского. Л., 1987; Мосты памяти: стихотворения. М., 1988; Мой стиль — это мои убеждения: О композиторе В. Томилине. Л., 1989.

Лит.: Владимирский Л. Герои Огненной земли // Октябрь. 1973. № 2; Байбакова Н. ...Капитан своего корабля // Морской сб. 1976. № 9; Павловский А. Порывом ветра свой наполню парус! К 70-летию В. Азарова // Звезда. 1983. № 5; Кузнецов В. Позовите меня, окажите мне честь, капитаны... // Лит. газ. 1988. 25 мая.

А. В. Успенская

АЙТМАТОВ Чингиз Торекулович [12.12.1928, аил Шекер Кировского р-на Киргизской ССР] — прозаик, критик, публицист. А. принадлежат также пьеса (в соавторстве), киносценарии, переводы (с русского на киргизский и с киргизского на русский); пишет на киргизском и русском яз.

В 1937 в результате репрессий А. лишился отца, партийного работника, слушателя Ин-та красной профессуры, а также и мн. др. родственников; большую роль в его формировании сыграли мать, учительница, и бабушка — знаток фольклора, киргизского и казахского. С 10 лет А. познал труд земледельца. В годы Великой Отечественной войны, хорошо зная русский яз., подростком исполнял обязанности секретаря сельсовета, налогового агента, учетчика комбайнового агрегата и т. д. А. принадлежит к поколению, «не успевшему» на войну, но тяжкий опыт жизни народа в тылу впоследствии отразится в ряде его произведений — изнурительный труд женщины, голодный блеск ребячьих глаз, страшные листки похоронок.

Ч. Т. Айтматов

На рубеже 1940–50-х А. учится в зооветеринарном техникуме, затем — в Киргизском сельскохозяйственном ин-те, по окончании которого (1953) 3 года работает зоотехником. В студенческие годы активно сотрудничает в газетах и журналах республики, позднее несколько лет проработает собкором «Правды» в Киргизии, будет возглавлять ж. «Лит. Киргизстан». Начало писательского пути А. — рассказ «Газетчик Дзюйдо» (1952). К середине 1950-х он уже известен в республике не только как автор актуальных публицистических выступлений, но и как талантливый, своеобразный новеллист: «Ашим» (1953), «Белый дождь» (1954), «Соперники» (1956), «Трудная переправа» (1956) и др. Повесть «Лицом к лицу» (1957) стала в советской многонациональной лит-ре о войне одной из первых попыток нетрадиционного подхода к теме: А. рассказал не о герое-победителе, но о человеке, сломленном войной, ставшем дезертиром и преступившем ту нравственную черту, за которой возможно только окончательное падение (почти через два десятилетия к аналогичной коллизии обратится В. Распутин в повести «Живи и помни»). На рубеже 1980–90-х А. вернулся к своему замыслу и создал второй вариант повести, связав два трагических сюжета советской эпохи — войну и коллективизацию. Именно тогда, в годы коллективизации, душа героя претерпела тот непоправимый нравственный урон, от которого она уже не сумела воспрянуть.

В 1958 А. заканчивает высшие курсы при Лит. ин-те им. М. Горького в Москве. В этом же году появляется повесть **«Джамиля»**, которая приносит автору известность и за рубежом. Это история юной киргизской женщины, идущей навстречу любви наперекор вековым обычаям, а также повествование о красоте мира, о рождении художника. **«Джамиля»** была переведена на ряд европейских яз. Луи Арагон даже назвал ее самой прекрасной, после **«Ромео и Джульетты»**, повестью о любви.

А. всегда с гордостью говорил о том, что как писатель он «родом из шестидесятых», что за это он навсегда благодарен судьбе. Знаменитые **«Повести гор и степей»** А.— **«Верблюжий глаз»** и **«Тополек мой в красной косынке»** (обе — 1961), **«Первый учитель»** и **«Материнское поле»** (обе — 1963), **«Прощай, Гюльсары!»** (1966), **«Ранние журавли»** (1975) были страстными то обличающими, то исполненными самой светлой веры и надежды повествованиями о подлинной человечности.

Официальное признание и читательский интерес к творчеству А. увеличивался с каждой новой книгой, и после выхода сб. **«Повести гор и степей»** (первоначально в него входили всего 3 произведения) А. становится одним из самых молодых лауреатов Ленинской премии (1963), затем трижды удостоивается Гос. премий (1968, 1977, 1983). В 1978 к титулу народного писателя Киргизской ССР присоединяется звание Героя Социалистического Труда. А. работает в ЦК КП республики, Верховном совете СССР нескольких созывов, секретарствует в СП и Союзе кинематографистов СССР. С энтузиазмом встретив «перестройку» (несмотря на ее парадоксы — **«Парадоксы перестройки»** назвал А. одну из статей, опубликованных летом 1990), он входит в Президентский совет, с 1988 возглавляет один из самых престижных ж.— «Иностр. лит-ра», становится инициатором и организатором «Иссыккульского форума» — неформального миротворческого движения интеллектуалов различных стран. По замыслу А., это не симпозиум, не конгресс, не клуб, не международное совещание, а шерне (кирг.) — продолжение киргизской национальной традиции своеобразных философских бесед умудренных жизнью уважаемых людей, старейшин, о самом главном, на чем должен держаться мир. Осенью 1990 А. отправляется послом в Люксембург. «Становлюсь дипломатом» — так было озаглавлено интервью, данное им в те дни «Лит. газ.» (1990. 7 нояб.). Но уже 6 марта 1994 в интервью газ. «Невское время» А. подчеркива-

ет, что отошел от политики во имя лит-ры: «Общечеловеческие ценности остаются неизблемыми, донести их до людей — моя задача». Впрочем, позднее А. вновь возвращается к идее возможности соединения лит. и гос. деятельности, приняв назначение послом республики Кыргызстан в Бельгии.

Творчество А. во многом уникально; острота нравственной, философской, социальной проблематики сочетаются у него с поэтикой, наследующей традиции Востока и Запада, русского психологизма и латиноамериканской «мифологической школы», а также многовековой опыт киргизского и казахского устного народно-поэтического творчества. Высокая трагедийность и вдохновенный лиризм образуют неповторимую эмоциональную атмосферу его книг. Возрастающая масштабность мышления А.— философского и футурологического — расширяет худож. время и пространство его произведений. Все сильнее ощущается в них связь каждой отдельной личности с жизнью всеобщей, а судеб человечества — с мирозданием. Все это уводит писателя от ставших тесными рамок повести к сложным структурам многопланового романа.

Изменяется и характер фольклоризма А. Включение элементов устного народно-поэтического творчества всегда придавало произведениям писателя особый национальный колорит, особую «живописность» и эмоциональную выразительность. Но ни **«Плач белой верблюдицы»** в **«Прощай, Гюльсары!»**, ни тени героев знаменитого киргизского эпоса **«Манас»** за плечами «ранних журавлей» — мальчишек военных лет из одноименной повести — еще не играли в худож. системе ранней прозы А. решающую роль. Всепроникающая магия айтматовского мифа уже предчувствовалась в диалоге Матери-земли и Матери Человеческой — Толгонай (**«Материнское поле»**). Эта магия нарастала и укрупнялась в **«Белом пароходе»** (**«После сказки»**, 1970), в истории рода легендарной Матери-оленихи. Особое значение мифа приоткрылось в повести **«Пегий пес, бегущий краем моря»** (1977), где «слились, как море и небо у черты горизонта, специфика нивхских легенд и реалий повседневности, а в роковом Великом Тумане растаяли, растворились временные границы действия. Только Природа и Люди, Человек и Океан, только быстротечность и одновременно бесконечность жизни, где может быть один-единственный закон — нравственный».

Новый этап творчества А. открывается романом **«И дольше века длится день»**

(второе название — «**Буранный полустанок**», 1980). В 1990 опубликовано дополнение — «**Повесть к роману**» — «**Белое облако Чингисхана**», где судьба одного из самых трагических героев — учителя Абуталипа — развивается в соотнесенности с древней легендой. В 1986 появляется «**Плаха**» — «роман-крик» об опасности восхождения на плаху всего человечества.

В первом романе А., от начала и до конца посвященном жгучим совр. проблемам (ими живут люди маленького полустанка Боранлы-Буранный, как и вся большая страна), возникает тема легендарного прошлого, образ страшной казни с помощью обруча из верблюжьей кожи — шири (кирг.). Самый первый вариант названия роману дал именно этот образ — «Обруч». Шири палачи надевали на голову пленника, кожа засыхала, и человек от невыносимой боли терял способность мыслить, хранить память. Он становился манкуртом — «чучелом прежнего человека». Он даже мог убить свою мать... Возникнув в мифологическую эпоху, древняя легенда откликнется в романе темой совр. манкуртизма, поразившего мн. героев, начиная от рядовых обывателей и кончая главами государств. Чтобы показать, как именно это происходит, А. рассказывает не только историю разрушенной святыни — древнего кладбища Ана-Бейт, он обращается и к будущему — к теме контакта с внеземной цивилизацией. Кроме современного и легендарного, в романе появляется третий сюжет — научно-фантастический — наиболее спорный, не принятый мн. читателями и критиками, о чем свидетельствуют обширные материалы из периодики тех лет.

Специфика айтматовской романной формы — в соединении на первый взгляд несоединимого. С одной стороны, современный сюжет произведения раскрывается в лучших традициях жизнеподобного реализма в его национальном выражении (почти единогласной была оценка образа Едигея как одной из самых больших удач романа). Что же касается будущего, то здесь А. приводил в действие иной худож. механизм — жанр притчи, когда полностью может исключаться «обстановочность», действующие лица не наделяются разработанными характерами и т. д. Автор как бы предлагает читателю свои условия игры — возможность собственного моделирования деталей в «предлагаемых обстоятельствах». Главное здесь для А. — мораль притчи, ее категорический нравственный императив.

Подобное худож. решение А. вызовет еще более бурную дискуссию, когда в «Пла-

хе» (1986) А. противопоставит бурям современности не традиционного для советской лит-ры пожилого мудрого «человека трудолюбивой души», а искреннего, честного, ищущего, но слабого, беззащитного в своей инфантильности представителя совр. молодежи Авдия Каллистратова. Утверждая взаимосвязь времен, идею преемственности самых высоких нравственных идеалов человечества, А. предлагает на этот раз сопряжение сюжета конца XX столетия с сюжетом библейским. Несмотря на попытки ряда критиков упрекнуть А. за обращение к «чужому для него материалу», которым он вдобавок «не владеет», сам по себе интерес писателя к идеям и образам христианства не случаен. Об этом говорит и опубликованный в 1988 отрывок из нового романа «**Богоматерь в снегах**». Но вновь самую высокую оценку читателей и критики получила совр. линия «Плахи» — экологическая, впрочем, тоже насквозь проникнутая поэтикой мифа (в романе рисуется удивительная судьба волчьей семьи, а волк — традиционная для ряда мифов фигура), была «положительно отмечена» острота социальной проблематики романа (уже угрожающий самой идее человеческого бытия бюрократизм, браконьерство, наркомания), а библейские сцены романа вызвали резкие упреки, в т. ч. особо убийственное противопоставление М. Булгакову. Как правило, критикой не принимался во внимание даже тот факт, что библейские образы в романе «представляет» не автор, а его герой — недоучившийся семинарист.

Еще большее недоумение вызвал у критики роман А. «**Тавро Кассандры**» (1994), в котором на смену ядерному апокалипсису урочища Ана-Бейт и апокалипсису экологическому — Моюнкумской саванны — на этот раз приходит апокалипсис «генетический». Отказавшийся вернуться с орбиты русский ученый-космонавт открывает лучи, позволяющие выявить нежелание человеческих зародышей увидеть свет, чтобы не участвовать в дальнейшей мистерии Мирового зла. Еще один роман-крик, роман-предостережение. Футурологические прогнозы А. становятся все более трагическими. Но А. следует своему credo, сформулированному еще в начале 1970-х: «Литература должна самоотверженно нести свой крест, вторгаться в сложности жизни с тем, чтобы человек знал, любил, тревожился за все доброе, лучшее, достойное в себе, в людях, в обществе» (Автобиография). К 1990-м А. становится, по данным ЮНЕСКО, одним из наиболее печатаемых писателей на земном шаре.

Соч.: СС: в 3 т. М., 1982–84; Восхождение на Фудзияму / в соавт. с К. Мухамеджановым // Мухамеджанов К. Дар доброты: пьесы. М., 1986; Статьи. Выступления. Диалоги. Интервью. М., 1988; Буранный полустанок. Плаха: романы. М., 1989; Тавро Кассандры: роман // Знамя. 1994. № 12.

Лит.: Воронов В. И. Чингиз Айтматов. Очерк творчества. М., 1976; Мирза-Ахмедова П. Национальная эпическая традиция в творчестве Чингиза Айтматова. Ташкент, 1980; Исенов А. Психологизм современной прозы: на материале творчества Чингиза Айтматова. Алма-Ата, 1985; Рыскулова Ж. Восприятие творчества Чингиза Айтматова в англоязычных странах. Фрунзе, 1987; Базаров Г. Прикосновение к личности: Штрихи к портрету и образу Чингиза Айтматова. Фрунзе, 1988; Гачев Г. Д. Чингиз Айтматов: В свете мировой культуры. Фрунзе, 1989.

К. Ф. Бикбулатова

АКСЁНОВ Василий Павлович [20.8.1932, Казань] — прозаик, драматург.

Родился в семье партийных работников (родители репрессированы в конце 1930-х), был отправлен в детдом для детей «врагов народа», а с 16 лет жил в Магадане, куда была сослана его мать Евгения Гинзбург (автор впоследствии написанной и получившей широкую известность книги «Крутой маршрут»). Окончил в 1956 Ленинградский медицинский ин-т, до 1960 работал врачом в больницах.

Печатается с 1959. Известность писателю принесла повесть «Коллеги» (1960), много раз переиздававшаяся, получившая также воплощение на сцене и на экране. Эта и вслед

В. П. Аксёнов

за нею появившиеся повести «Звездный билет» (1961) и «Апельсины из Марокко» (1963), роман «Пора, мой друг, пора» (1964) и др. упрочили за А. славу одного из лидеров «молодой прозы», громко заявившей о себе на рубеже 1950–60-х (А. Гладилин, А. Кузнецов, Э. Ставский и др.). Произведения А. вызвали в критике бурную полемику, т. к. в них заострялось внимание на злободневнейших проблемах периода «оттепели» и прежде всего — на извечном конфликте поколений, который обретал особенно резкие формы в условиях характерного для того времени процесса отрицания тоталитарного прошлого. Как нельзя более соответствовали тогдашней духовной жизни общества и исповедальный характер прозы А., и преимущественное — сочувственное — внимание писателя к внутреннему миру, психологии и даже сленгу молодого поколения: не случайно в это время он становится одним из наиболее активно печатающихся авторов ж. «Юность», в течение нескольких лет являясь членом его редколлегии. Появление в 1968 повести «Затоваренная бочкотара» свидетельствует об изменении направления эстетических поисков писателя, выходящего теперь, по его словам, к тотальной сатире: здесь открывается удивительная нелепость мира, в котором живут персонажи повести, названной А. «сюрреалистической вещью».

Изменение творческой позиции А. свидетельствовало не только о собственно худож. поисках писателя, отказывавшегося теперь в своих произведениях от принципа правдоподобия, предпочитая ему изображение «иллюзии действительности»; сами эти изменения были вызваны крепнущим у него убеждением в том, что «действительность так абсурдна, что, употребляя метод абсурдизации и сюрреализма, писатель не вносит абсурда в свою литературу, а, наоборот, этим методом он как бы пытается гармонизировать разваливающуюся, как помойная яма, действительность...». С этого времени критика в адрес А. и его произведений становится все более резкой и даже сокрушительной, когда она звучит из уст руководителей партии и государства (например, Н. С. Хрущева). Нападки вызывала даже форма, к которой обращается теперь А., воспринимаемая как несоветская и ненародная: так была оценена, в частности, поставленная в театре «Современник» пьеса А. «Всегда в продаже», свидетельствующая о переходе ее автора на авангардистские позиции в искусстве.

Положение А. еще более осложнилось, когда (в 1977–78) его произведения начали